

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора исторических наук Иванова Андрея Александровича

на диссертацию Куликовой Светланы Геннадьевны

«Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–

1914 гг. (на материалах Тверской и Московской губерний)»,

представленную на соискание ученой степени

доктора исторических наук по специальности

07.00.02. — Отечественная история

Диссертационное исследование С.Г. Куликовой посвящено важной и недостаточно освещенной в исторической науке теме — участию консерваторов в деятельности земских органов за полувековой период их существования (от момента возникновения до начала Первой мировой войны). Если идеология русского консерватизма и политическая деятельность правых партий и союзов за последние десятилетия изучены достаточно подробно, то к такой научной проблеме как деятельность консерваторов на земском поприще за исключением автора рецензируемой диссертации практически никто из исследователей не обращался. Между тем, научное освещение данной проблематики крайне важно, как для расширения и уточнения представлений об идеологии и практике русского консерватизма, так и для корректировки сложившихся в историографии взглядов и стереотипов в отношении земства (например, от упрощенного представления о земстве как исключительно «питомнике российского либерализма»); представления о соотношении в нем либеральных и консервативных сил, их взаимодействии и противостоянии. А в связи с тем, что земства стали своеобразной школой нарождавшегося российского парламентаризма (как не без оснований предполагает С.Г. Куликова, «ход и особенности земских дебатов со временем оказались экстраполированными на более высокий уровень — в Государственную

думу», с. 5), обращение к данной тематике приобретает еще бóльшую научную значимость. К тому же важно отметить и следующий момент: историки, ранее обращавшиеся к деятельности российского земства, уделяли основное внимание земцам-либералам, в то время как земцы-консерваторы незаслуженно оказывались в значительной степени обойденными исследовательским вниманием.

Особая ценность авторского подхода заключается в том, что в диссертации, по сути, впервые предпринимается попытка анализа русского консерватизма не с позиции идеологии, а сквозь призму хозяйственной деятельности. Таким образом, С.Г. Куликова взялась за скрупулезное конкретно-историческое исследование социально-экономической деятельности представителей т. н. «низового консерватизма» на протяжении полувека, впервые в исторической науке решившись на столь масштабную попытку анализа земской работы консерваторов-практиков.

В связи с этим, научная новизна исследования, равно как и его актуальность, представляются очевидными и вопросов не вызывают. Диссертация С.Г. Куликовой имеет и общественно-политическую актуальность, поскольку и для современной России вопросы о взаимодействии власти и общества, рамках допустимой гражданской активности и самодеятельности, а также конкуренции консервативной, либеральной и левой идеологии продолжают оставаться актуальными.

Объект и предмет исследования сформулированы автором корректно, хронологические рамки убедительно аргументированы и возражений не вызывают. Учитывая проблематику диссертации, большое значение приобретает обоснование автором географических рамок исследования. Выбор территории Московской и Тверской губерний является неслучайным и обосновывается тем, что являясь соседними регионами они имели как общие хозяйственные проблемы, так и существенные отличия, поскольку в Московском земстве преобладали консерваторы, а в Тверском — либералы. При этом, как отмечает автор, «в глазах современников две

губернии сливались в единое социально-политическое пространство, в котором консерватизм и либерализм развивались в некотором смысле параллельно» (с. 6). Вместе с тем, возникает резонный вопрос: насколько земская деятельность, хозяйственные проблемы и политическое противостояние, имевшие место в Московской и Тверской губерниях, были типичны для остальных «земских» регионов Российской империи. Однако ответ на него, едва ли возможен без проведения дальнейших исследований в этом направлении, постепенного охвата земской жизни других российских губерний. Таким образом, хотя диссертация С.Г. Куликовой и не позволяет в полной мере оценить результаты воплощения консервативных идей в практическую деятельность земств в общероссийском масштабе, это замечание едва ли можно поставить в укор автору, поскольку в рассматриваемой диссертации заявленная тема рассматривается впервые, а попытка охвата большего числа регионов неизбежно привела бы к менее глубокому изучению поднятых в диссертации вопросов.

Цель и задачи исследования изложены лаконично, но при этом предельно четко и в достаточной степени, позволяющей раскрыть заявленную тему. Раздел введения, посвященный методологии исследования, демонстрирует профессионализм автора, его знания и умение решать поставленные задачи на высоком научном уровне.

Историографический раздел работы показывает хорошее знание автором существующих научных школ и направлений, а также работ своих предшественников. Автор прекрасно ориентируется как в отечественной, так и зарубежной историографии, демонстрирует свое знакомство как с исследованиями, посвященными истории земства, так и русского консерватизма, убедительно показывает сильные и слабые стороны работ российских и зарубежных историков, указывает на имеющиеся в историографии «лакуны» и доказательно обосновывает необходимость своего исследования, позволяющего ликвидировать часть «белых пятен».

Высоко оценивая анализ историографии, проведенный С.Г. Куликовой, позволим обратить внимание на неиспользованную автором диссертацию, посвященную деятельности Б.В. Штюмера, которая могла бы быть полезной при обращении к истории тверского земства (*Григорьева Е.В. Б.В. Штюмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох: 1872–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004*).

Источниковая база диссертации впечатляет своей репрезентативностью и обширностью. С.Г. Куликовой были тщательно проработаны 657 дел из 12 российских федеральных и региональных архивов (ГАРФ, РГАДА, РГАСПИ, РГАЛИ, АРАН, ОПИ ГИМ, НИОР РГБ, ЦГА Москвы, ГАТО, НА ТГОМ, Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, ТЦДНИ), что наглядно свидетельствует о многолетней, тщательной и кропотливой работе над темой исследования. Следует также отметить, что и перечень опубликованных источников насчитывает ни одну сотню наименований. Среди них делопроизводственные материалы земских собраний; многочисленные журналы и протоколы заседаний губернских и уездных земств; справочные и статистические материалы, касающиеся земской деятельности; законодательные, нормативные и правовые акты; картографические и генеалогические материалы; источники личного происхождения (более 100 мемуаров и дневников, из которых значительная часть представлена архивными материалами); материалы периодической печати (35 наименований периодических изданий различной политической направленности, а также земских изданий); труды земских деятелей.

Представленный автором диссертации комплекс источников представляется более чем достаточным и, вне всякого сомнения, позволяет объективно и всесторонне изучить основные направления социальной и хозяйственной деятельности консервативно настроенных земцев, а также составить собирательный образ земца-консерватора. Обратим лишь

внимание автора на источник, который не был использован при написании диссертации, но, возможно, будет полезен при дальнейшей работе над данной темой — воспоминания видного либерального политического деятеля и земского работника Ф.И. Родичева (*Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983*), содержащие сведения о работе автора в тверском земстве. Впрочем, данное замечание несколько не умаляет заслуг автора и носит сугубо рекомендательный характер.

Структура диссертационного исследования, представленная пятью главами, каждая из которых посвящена тому или иному аспекту темы (социальные представления, хозяйственная деятельность, инфраструктурные замыслы и т. д.), выглядит логичной и целостной. Самостоятельную научную ценность представляют 11 приложений к работе, позволяющие существенно расширить представления о сюжетах, затронутых автором в главах диссертации.

К несомненным достижениям автора также следует отнести созданную ей в ходе работы над темой диссертации базу данных «Тверские и московские земские деятели консервативного направления, 1864–1914 гг.». Далеко не часто историки используют технологии сетевого анализа, прибегая к математической теории сетей при работе с историческими источниками. Проведенное С.Г. Куликовой на основе метода ретроспективного анкетирования просопографическое исследование земских деятелей консервативного направления имеет очевидную научную ценность и позволяет более полно оценить результаты социально-экономической деятельности земцев-консерваторов.

С.Г. Куликовой удалось убедительно доказать, что как историография русского консерватизма, так и научные представления о земстве в Российской империи остаются неполными без знаний о деятельности консерваторов в органах местного самоуправления. Несомненная заслуга С.Г. Куликовой заключается не только в том, что в диссертации эта историографическая «лакуна» отчасти устраняется, но и в

том, что трудами автора открывается большая перспективная тема для дальнейшего изучения, а также предоставляется богатый методологический инструментарий, позволяющий успешно развивать это исследовательское направление на примере других земств.

Автору также удалось наметить контуры и границы, позволяющие в различные исторические эпохи провести размежевание между «земским консерватизмом» и «земским либерализмом»; выявить отличия в оценке их представителями роли и места государства и общества в проведении реформ; их понимании социально-экономической деятельности, эффективного сельскохозяйственного уклада, представлениях о крестьянской общине и ряда других аспектов. Ценным и важным наблюдением автора является заключение о возможной совместной деятельности земских консерваторов и либералов на почве практических дел (например, в сфере мелкого поземельного кредитования и сельскохозяйственной кооперации). Если ранее консерваторы и либералы нередко представлялись исключительно как антагонисты, непримиримые противники, то обращение к их практической деятельности в земстве позволило отчасти пересмотреть этот стереотип и прийти к выводу, что при обоюдном стремлении к благу края и консерваторы, и либералы могли находить точки соприкосновения, особенно в вопросах, отстоящих от острой политической борьбы.

С.Г. Куликова также сумела избежать соблазна политической ангажированности. В диссертации нет попыток принять чью-либо сторону, очернить или реабилитировать консерваторов или либералов. Вместо этого дан непредвзятый анализ их земской деятельности, позволяющий прийти к выводам, что как у консерваторов, так и у либералов были удачные и провальные инициативы, предрассудки и предубеждения, поступки достойные уважения и осуждения. В этом отношении автор «не щадит» ни одну из сторон, стараясь максимально честно показать сильные и слабые стороны консерваторов и либералов, а также то, насколько следование той

или иной идеологии влияло на практическую деятельность и модели поведения ее сторонников. В частности, автор вынужден констатировать, что порой личные интересы вступали в конфликт с политическими верованиями и не только консерваторы, но и либералы вели себя «словно вопреки политической ориентации», а их слова и дела «подчас заметно расходились» (с. 130). Так, автор подчеркивает разницу между консерваторами и либералами не только в их политических установках (о чем написано уже немало), но в их семейном быту, отношении к религии, понимании служения обществу и государству. В частности, представляет интерес вывод С.Г. Куликовой, что для земцев-консерваторов, как правило, действовавших в рамках традиционных социальных норм, было характерно «взаимопроникновение корпоративно-профессиональных и общественно-политических установок, что порождало особый тип демонстративного поведения», а отличительной чертой земцев консервативного образа мысли стало «тяготение к практической деятельности» (с. 321–322), в то время как земские либералы избрали приоритетом своей деятельности «политику» (с. 193). Земцы-консерваторы гораздо в большей степени, нежели либералы, были нацелены на рационализацию сельскохозяйственного производства и в отличие от своих политических противников гораздо чаще проявляли «хозяйственную хватку» (с. 288).

Важным также представляется наблюдение автора, сделанное на основе анализа судебных тяжб, частных высказываний, что для консерваторов «важно было “сохранить честное имя”, даже в ущерб своим материальным интересам» (с. 323). Автор также приходит к выводу, что земские консерваторы «отнюдь не были реакционерами» и также как и либералы могли проявлять стремления к рационализаторской деятельности, направленной на развитие своего региона. Но вместе с тем, как пишет С.Г. Куликова, идеологические установки консерваторов довольно часто мешали им предпринимать адекватные времени шаги,

преодолеть сословные перегородки и, несмотря на свое численное превосходство в ряде земств, победить в конкурентной борьбе земцев-либералов (особенно в социальной сфере). «Все консервативные проекты, — отмечает автор, — были интересны лишь узкой прослойке дворянства, либеральные инициативы приобретали больший общественный резонанс» (с. 196). Впрочем, это не означало провала или нежизненности всех инициатив консерваторов. Наибольшую практическую значимость, как аргументировано показала С.Г. Куликова, получили инфраструктурные проекты земцев-консерваторов. Будучи созданными с учетом новейших научных достижений, они «подчас становились базисными при разработке соответствующих общероссийских нормативно-правовых актов» (с. 578).

В целом, автору удалось создать четко структурированную, изложенную хорошим литературным языком работу, вводящую в научный оборот множество новых источников, исторических фактов, ценных наблюдений и выводов; выявить и проанализировать основные этапы земской деятельности и свойственную им специфику; дать целостное представление о деятельности консерваторов в земствах на примере двух выбранных губерний.

Несмотря на очевидные достоинства исследования С.Г. Куликовой, следует указать и на отдельные недостатки рецензируемой диссертации.

1) Представляется, что автору следовало бы более четко прописать некоторые определения, используемые в работе. В разделе «Понятийный аппарат» автор достаточно подробно останавливается на содержании таких понятий как «консерватизм» и «либерализм», но при этом обходит своим вниманием «расшифровку» таких часто используемых в работе терминов как «правые», «левые», «славянофилы», «националисты», «реакционеры». В итоге, встречающиеся в диссертации такие словосочетания как «консерваторы и славянофилы», «консерваторы и националисты», «либералы и славянофилы» хоть интуитивно и понятны, но, на наш взгляд, нуждаются в четких дефинициях для того, чтобы точно представлять, в чем именно, по

мнению автора, заключалось отличие консерваторов от националистов, националистов от славянофилов, почему консерваторы не были реакционерами (с. 323), являлись ли либералы «левыми», каковы границы левого спектра и т. д. Например, в одном предложении С.Г. Куликова называет видного консервативного публициста и активного деятеля черносотенного движения К.Н. Пасхалова «националистом», а В.К. Шлиппе — консерватором (с. 218), однако не поясняет, являются ли в данном случае эти определения синонимами или же автор видит между ними отличия. А в другом месте работы черносотенец Пасхалов предстает уже в качестве «либерала» (с. 247). Автор пишет, что неслучайно забиравшие все больше вправо земцы-консерваторы после революции стали активными участниками Белого движения (с. 242), хотя очевидно, что степень «правизны» в данном случае не имела принципиального значения — без труда в рядах Белого движения можно обнаружить и бывших земцев-либералов.

2) Обращаясь к периоду 1910-х гг., С.Г. Куликова, касаясь сотрудничества земств с политическими партиями, затрагивает вопрос взаимоотношений земцев-консерваторов с правыми союзами — Союзом русского народа, Русским народным союзом им. Михаила Архангела, Всероссийским национальным союзом (ВНС). Однако едва ли можно согласиться с определением ВНС, стоявшим на консервативно-либеральных позициях и всецело поддерживавшим столыпинский реформаторский курс, как «правозэкстремистской организации» (с. 243). По меркам начала XX века никакого экстремизма в деятельности ВНС не было, в столыпинский период он не без оснований воспринимался многими как «партия власти», играл решающую роль в думских голосованиях, а потому в альянсе земств с его представителями нет ничего удивительного.

3) Анализируя полемику консерваторов и либералов по крестьянскому вопросу, автор приходит к выводу, что если «идейные позиции либералов подкреплялись “передовым” опытом Запада», то «в арсенале консерваторов не было ничего, кроме сомнительных патерналистско-славянофильских

утопий» (с. 146). Это суждение вызывает возражения. Во-первых, если автор берет в кавычки «передовой опыт» Западной Европы, возникает вопрос, не означает ли, что и этот опыт, или, точнее, представления о нем российских либералов, был не менее утопичным, чем взгляды консерваторов? Ведь далее автор утверждает, что земцы-либералы проявили себя «как крайние доктринеры, ориентирующиеся на западный путь развития» (с. 576). Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что в других местах исследования автор обращает внимание на прагматичность консерваторов и их стремление следовать уже проверенным временем рецептам, а не увлекаться теориями, быть прагматиками, а не мечтателями, утверждение, что в их арсенале не было *ничего* кроме сомнительных утопий, выглядит неубедительно. Перечисляя сильные и слабые места в идеологии и практике земцев-консерваторов, автор приходит к выводу, что «их нельзя назвать людьми политически дальновидными», но при этом не объясняет, откуда следует такой вывод. Ведь пессимистические прогнозы правых относительно будущего страны гораздо чаще оказывались ближе к истине, нежели оптимистические надежды либералов. Другое дело, что и консерваторы, и либералы оказались одинаково неспособными выработать рецепты переустройства Российской империи, способные предотвратить ее трагический финал.

4) Касаясь деятельности тверского губернатора князя А.А. Ширинского-Шихматова (с. 221), придерживавшегося крайне правых взглядов и вступившего в конфликт с либеральным земством, автор ограничивается характеристиками, данными этому государственному деятелю его политическими антиподами и недоброжелателями (С.Ю. Витте и И.И. Петрункевичем). Между тем, существуют и совершенно иные оценки этого видного правого деятеля предреволюционной России, данные его сторонниками (Н.Д. Тальберг, Н.Д. Жевахов). Из-за этого, на наш взгляд, образ князя предстал однобоко, а авторский вывод, сделанный на основе крайне нелестных характеристик, что такой человек «был неспособен вести

конструктивный диалог с земцами любой политической ориентации», получился не бесспорным. Отметим, что созданное правыми III Государственной думы и Государственного совета Осведомительное бюро, возглавил именно князь Ширинский-Шихматов как лицо, пользовавшееся в консервативном лагере авторитетом, что вряд ли бы произошло, будь он таким «ничтожеством», каким его считали политические противники.

5) В работе встречаются и некоторые мелкие неточности. В частности, тверской земец-либерал Ф.И. Родичев назван дуэлянтом (с. 318). Однако, хотя ему и не раз приходилось становиться невольным участником околoduэльных историй (конфликт с В.И. Гурко, В.В. Шульгиным, П.А. Столыпиным), инициатива вызова никогда не исходила от него, и, являясь убежденным противником дуэлей, Родичев ни одного вызова так и не принял. Не совсем понятно, замечание автора, что «иные Рюриковичи, вроде В.А. Оболенского, оказывались даже в социал-демократах» (с. 260). О каких именно представителях этого рода идет речь? Есть ли основания считать кадета В.А. Оболенского социал-демократом? На одной из страниц своей работы С.Г. Куликова утверждает, что нищих странников в народе именовали «калеками-прихожими» (с. 422), хотя существует устоявшееся старинное название таких людей — «калики перехожие».

Впрочем, все перечисленные замечания носят либо дискуссионный, либо частный характер, и принципиально не влияют на высокую оценку исследования, подготовленного С.Г. Куликовой. Вне всякого сомнения, рассматриваемая диссертация является новаторским, оригинальным, самостоятельным и глубоким научным исследованием. Диссертация вносит существенный вклад в представления исторической науки об эволюции внутриземской деятельности, полемике консерваторов с либералами второй половины XIX — начала XX вв., их практической деятельности и решает важную научную задачу — существенно обогащает представления исторической науки, как об упомянутых выше сюжетах, так

и в целом о проблематике реформ в Российской империи период трех последних царствований и истоков неудач этих преобразований.

Основные положения, вынесенные на защиту, вытекают из текста диссертации, убедительно и аргументировано в ней доказываются. Высокий научный уровень работы и достоверность представленных в ней выводов также подтверждаются также хорошей апробацией работы. Труды С.Г. Куликовой, посвященные консервативной и земской тематике, хорошо знакомы историкам; среди них — две монографии и более полусотни статей, из которых 27 опубликованы в журналах, входящих в список, рекомендованный ВАК РФ. Важнейшие положения работы также прошли апробацию в ходе выступлений С.Г. Куликовой на международных, всероссийских и региональных конференциях и круглых столах. А то обстоятельство, что первые опубликованные в ведущих научных журналах работы автора по тематике диссертации начали выходить в свет 14 лет назад, дополнительно свидетельствует в пользу того, что перед нами хорошо продуманное, неторопливо и скрупулезно разрабатываемое на протяжении ряда лет научное исследование.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации, содержит все основные выводы. Представленные в нем положения, выносимые на защиту, соответствуют выводам, изложенным в диссертации.

Все вышеперечисленное позволяет с уверенностью утверждать, что диссертация С.Г. Куликовой «Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–1914 гг. (на материалах Тверской и Московской губерний)» Диссертация Куликовой Светланы Геннадьевны «Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–1914 гг. (на материалах Тверской и Московской губерний)» является завершенной и самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований, решена научная проблема, имеющая важное общественно-политическое значение. Она

полностью соответствует всем требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ к докторским диссертациям согласно п.п. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор, Куликова Светлана Геннадьевна — заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Доктор исторических наук,

Профессор кафедры новейшей истории России

Института истории Санкт-Петербургского

государственного университета _____ А.А. Иванов

Адрес: 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Тел.: (812) 328-94-48, местный 6405.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

20 марта 2020 г.

личную подпись

ЗАВЕРЯЮ

Иванова А.А.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н.К. КОРЕЛЬСКАЯ

